

DOI: 10.18721/JHSS.8114

УДК 101.1

ЧЕЛОВЕК ТЕХНИКИ: М. ХАЙДЕГГЕР И Ф.Г. ЮНГЕР ОБ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ СМЫСЛЕ ТЕХНИКИ*

И.В. Дёмин

Самарский государственный аэрокосмический университет им. акад. С.П. Королёва
(национальный исследовательский университет), г. Самара, Российская Федерация

Статья посвящена проблеме сущности техники в философских концепциях М. Хайдеггера и Ф.Г. Юнгера. Особое внимание уделяется вопросам о трансформации сущностных характеристик человека в эпоху современной техники и об экзистенциальном смысле техники. В процессе исследования применялся сравнительный (компаративный) метод, использовался проблемно-тематический способ анализа и изложения материала. Разработанные Хайдеггером и Юнгером трактовки техники квалифицируются в качестве «экзистенциальной философии техники». Показано, что на первый план у Хайдеггера и Юнгера выходят вопросы о трансформации самопонимания человека в техническую эпоху, социальных и антропологических последствиях технического прогресса. К общим чертам рассмотренных концепций относятся: критика инструменталистской трактовки техники, понимание техники в качестве способа существования человека, осознание техники в качестве «судьбы» и опасности, угрожающей самому существу человека. Материалы статьи могут использоваться для анализа специфики современной техногенной цивилизации в рамках философии, культурологии и социологии.

Ключевые слова: техника; философия техники; сущность техники; техническая система; экзистенциальный смысл техники; М. Хайдеггер; Ф.Г. Юнгер

Ссылка при цитировании: Дёмин И.В. Человек техники: М. Хайдеггер и Ф.Г. Юнгер об экзистенциальном смысле техники // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 1. С. 116–125. DOI: 10.18721/JHSS.8114

THE MAN OF TECHNOLOGY: HEIDEGGER AND JÜNGER ON THE EXISTENTIAL SENSE OF TECHNOLOGY

I.V. Demin

Samara State Aerospace University named after S.P. Korolev, Samara, Russian Federation

The article is dedicated to the problem of the essence of technology in the Martin Heidegger's and Friedrich Georg Jünger's philosophical concepts are considered and compared. Particular attention is paid to the transformation of the essential characteristics of the human in the age of modern technology, and to the existential meaning of technology. The comparative

---

*Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента РФ (проект МД-6200.2016.6 «Семиотические основания техники и технического сознания»).

method is applied in the research process. The topical method of analysis and presentation of the material is used. The interpretations of technology designed by Heidegger and Junger qualify as “existential philosophy of technology”. The question of the transformation of human self-understanding in the technological era and the question of social and anthropological consequences of technological progress are in the foreground in Heidegger’s and Jünger’s concepts. The common features of the discussed concepts are: the criticism of the instrumentalist interpretation of technology, understanding technology as a means of human existence, understanding technology as a “fate” and a danger threatening the human creature. The material in the article may be used for the analysis of the specifics of modern technological civilization in the context of philosophy, cultural studies and sociology.

Keywords: technology; philosophy of technology; essence of technology; technological system; existential meaning of technology; Martin Heidegger; Friedrich Georg Junger

Citation: I.V. Demin, The man of technology: Heidegger and Jünger on the existential sense of technology, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (1) (2017) 116–125. DOI: 10.18721/JHSS.8114

В современной философии реализуются различные стратегии анализа феномена техники. Техника рассматривается в качестве фактора социально-экономического развития, «прикладного естествознания», специфической формы сознания и «среды жизнедеятельности человека» [1, с. 235].

Последнее направление представляется наиболее перспективным, так как открывает возможности для продуктивного переосмысления традиционных философских вопросов о человеке, обществе, культуре. На первый план здесь выходит проблема *экзистенциального смысла техники*. Речь идет о том, как влияет техника на сущностные параметры человеческого существования (способы самосознания, понимание пространства и времени, бытие человека перед лицом смерти и т. д.). Как связан вопрос о *сущности техники* с вопросом о *сущности человека*? Уже сама постановка этой проблемы выводит нас за пределы инструменталистского подхода, согласно которому техника является *аксиологически нейтральным* средством человеческой деятельности.

В философии XX в. наибольшее внимание вопросу об экзистенциальном смысле техники уделяли такие философы, как М. Хайдеггер, Ф.Г. Юнгер, Х. Ортега-и-Гассет, К. Ясперс, Н.А. Бердяев. Рассмотрим и сопоставим трактовки сущности техники в философских концепциях Хайдеггера и Юнгера.

Суть разработанной Хайдеггером философской методологии заключается в том, что

проблемы и концепты классической философии не отвергаются, но помещаются в новый контекст, в контекст экзистенциальной аналитики человеческого бытия, и получают более глубокое – экзистенциально-герменевтическое – осмысление. Эта методология применяется Хайдеггером и в ходе рассмотрения «вопроса о технике».

М. Хайдеггер одним из первых в философии XX в. указал на недостаточность инструментальной трактовки техники [2, 3]. В рамках инструментального подхода, реализованного в философских концепциях Энгельса, Ясперса, Бердяева, техника рассматривалась в качестве орудия, инструмента познания и преобразующей деятельности, который может быть использован человеком как на благо, так и во зло.

Хайдеггер отмечает единство *инструментальной* и *антропологической* трактовок феномена техники. Согласно первой трактовке, техника есть средство для достижения целей; согласно второй, техника есть известного рода человеческая деятельность [4, с. 221]. Эти трактовки техники являются взаимосвязанными: «Ставить цели, создавать и использовать средства для их достижения есть человеческая деятельность. К тому, что есть техника, относится изготовление и применение орудий, инструментов и машин, относится само изготовленное и применяемое, относятся потребности и цели, которым всё это служит. Совокупность подобных орудий есть техника. Она сама есть некое орудие, по-латински – *instrumentum*» [Там же].

Таким образом, на вопрос о том, *является ли* техника средством и инструментом человеческой деятельности, Хайдеггер, вслед за инструменталистской теорией, отвечает утвердительно. На вопрос, *исчерпывается ли* сущность техники ее инструментальностью, он дает отрицательный ответ.

Недостаточность инструменталистской интерпретации техники связана с тем обстоятельством, что в контексте хайдеггеровской экзистенциальной аналитики «деятельность» и «созерцание» (как противоположность и одновременно корреляты «деятельности») не являются первичными модусами соотносительности человека с внутримировым (*innerweltlich*) сущим [5]. Дихотомия теории и практики (созерцания и деятельности) — одна из базовых презумпций метафизического способа мышления [6, с. 12–35]. Хайдеггер в своей экзистенциальной аналитике стремится эту дихотомию преодолеть.

Вопрос о технике, как его понимает Хайдеггер, — это вопрос о *сущности* техники, о самой *природе* технического. «Сущность техники вовсе не есть что-то техническое. Мы поэтому никогда не осмыслим своего отношения к сущности техники, пока будем просто думать о ней, пользоваться ею, управляться с нею или избегать ее. Во всех этих случаях мы еще рабски прикованы к технике, безразлично, энтузиастически ли мы ее утверждаем или отвергаем» [4, с. 221]. Инструментальное (инструментально-антропологическое) определение техники принципиально не улавливает различия между «*техникой*» (сущностью техники) и «*техническим*» (совокупностью технических средств и технических видов деятельности).

Для обозначения искомой сущности техники Хайдеггер использует слово «постав» (*Gestell*). Постав есть *вид* или *способ* раскрытия «непотопленного», т. е. *истины* [7]. Постав представляет собой установку, лежащую в основании технического отношения человека к миру. Однако этим содержанием данного понятия не исчерпывается. Постав не только способ соотносительности человека с «внутримировым» сущим, это еще и *способ самопонимания*, присущий человеку технической эпохи. Обобщенно говоря, постав есть *способ бытия* всего технического, в том числе (и даже *прежде всего*) человека, поскольку он превращается в ресурс («челове-

ский материал»), необходимый для функционирования технических систем.

Через «поставляющее производство» всё сущее в эпоху современной (машинной) техники «выходит из потаенности для состояния в наличии» [4, с. 228]. В этом смысле техника есть «завершенная метафизика» [8, с. 87], поскольку понимание бытия сущего как *наличия, бытия-в-наличии (Vorhandensein)*, а мышления как *созерцания сущностей* является конститутивной чертой классической западноевропейской метафизики (от Платона до Гегеля и Ницше).

Кто осуществляет поставляющее производство, приводящее всё сущее к «состоянию-в-наличии»? Человек, человек как субъект. Означает ли это, что мы возвращаемся к инструментально-антропологическому пониманию техники, в котором человек, обладающий способностью целеполагания, распоряжается техническими средствами по своему усмотрению? «Человек, — отвечает Хайдеггер, — может, конечно, тем или иным способом представлять, описывать и производить те или иные вещи. Но непотаенностью, в которой показывает себя или ускользает действительное, человек не распоряжается» [4, с. 228].

В контексте хайдеггеровской онтологии не человек осуществляет «поставляющее производство», но само поставляющее производство *осуществляет себя* человеком, *посредством* человека. Не техника есть орудие и *средство* в руках человека, но сам человек есть *по-средник*: через его преобразующую деятельность всё сущее приводится к состоянию-в-наличии.

Человек не распоряжается тем *способом*, каким он приводит сущее к непотаенности. Это означает, что человек не может по своей воле перестать мыслить и действовать «*технично*», отказаться от техники (или же ограничить ее «использование») и вернуться к дотехническому способу существования. А.Н. Павленко, интерпретируя Хайдеггера, пишет: «Убежать от „техники“, „видоизменить“ ее, „придать ей гуманную форму“ было бы так же наивно, как пытаться изменить свою собственную судьбу: каждое изменение судьбы — судьбоносно!» [9, с. 74]. Техника есть *судьба человека*, поэтому даже в своей борьбе против «засилья» техники человек обречен утверждать то, с чем он борется. «Техника» *равно* поддерживается как простым ее «использованием», так и протестом

против ее «засилья». Таков главный вывод, который современная философия техники может извлечь из хайдеггеровской экзистенциальной аналитики человеческого бытия.

Обратимся теперь к трактовке техники в философии Ф.Г. Юнгера.

Как и Хайдеггер, Юнгер исходит из того, что традиционное инструменталистское определение техники является недостаточным и неполным. В его работе «Совершенство техники» [10] под «техникой» понимается не просто совокупность орудий, средств и механизмов, с помощью которых человек удовлетворяет свои «потребности», но прежде всего *способ организации человеческой жизни*, присущая современному человеку *форма существования*. «Техника» у Юнгера — это не отдельно взятое техническое устройство или орудие, но «техническая система», технический *способ организации* чего бы то ни было, в том числе и человеческой деятельности. Любое техническое средство, согласно Юнгеру, нужно рассматривать не изолированно, а в широком организационном контексте [Там же. С. 23]. Как только мы признаем, что любое техническое средство, во-первых, является *элементом системы*, а во-вторых, предполагает определенный тип человеческого поведения, способ существования, соразмерный существу современной техники, традиционное инструменталистское определение техники перестает работать.

Вопрос о сущности техники традиционно связывался в философии с проблемой *отчуждения человека*. В отличие от Маркса и марксистов, Юнгер усматривает источник отчуждения человека не в формах собственности на средства производства, но в самой технической организации, в которую человек оказывается функционально вовлеченным. В этом смысле социализм и капитализм принципиально ничем друг от друга не отличаются. В вопросе о технике сторонники социализма и капитализма придерживаются одних и тех же исходных предпосылок: техника рассматривается как простое орудие человеческой деятельности. «Рабочий отвергал не саму эксплуатацию, которую порождает техника (курсив наш. — И. Д.), а эксплуататора, который держал в своих руках средства производства, распоряжался ими, а его, рабочего, использовал в качестве осла на мельнице, которая мелет зерно. Он верил, что

всё обязательно переменится, когда аппаратура перейдет в его распоряжение» [Там же. С. 111]. Спор о том, в чьем распоряжении должны находиться технические орудия и какой должна быть собственность на средства производства, является, с точки зрения Юнгера, несущественным и уведящим от сути дела. Гораздо более важным представляется вопрос о том, какие изменения происходят в самом человеке, в его самопонимании, в характере его существования под влиянием процессов технизации. Эти изменения, однако, в равной степени затрагивают и буржуазию, и пролетариат.

Труд рабочего в эпоху господства машинной техники приобретает, согласно Юнгеру, всё более механический, а следовательно, и отчужденный характер. Труд человека утрачивает необходимую связь с его личностью. «Рабочий стал более подвижным, но зато его и легче стало включить в рамки организации. Такого работника, чей труд уже не связан с его личностью, легче подчинить организации; его можно использовать в любом пункте рабочего плана» [Там же. С. 96].

Анализируя метаморфозы субъекта трудовой деятельности, Юнгер вводит фигуру «Техника». В современную эпоху в роли Техника выступает человек (рабочий). Техник есть субъект, соразмерный современной машинной технике, рабочий, поставленный техникой на службу и *включенный* в техническую организацию на правах функционера.

Метафора «включения» играет исключительно важную роль в концепции Юнгера. Техника, техническая организация ставит человека себе на службу. Каким образом она это делает? «Всё протекает с неотвратимостью естественного процесса. Если выбрать для его обозначения подходящий технический термин, то можно описать происходящее так: „техника включает человека“» [Там же. С. 126–127]. Слово «включение» имеет два основных смысла, они оба значимы для описания положения человека в системе технической организации. С одной стороны, здесь содержится указание на *инкорпорацию, вхождение* человека в систему, функционирующую по своим собственным законам. С другой стороны, «включить» — значит *задействовать, привести в действие* какой-то механизм, агрегат. Человек включается в техническую систему, приводится ею в действие и в

то же время, находясь внутри системы, запускает ее, обеспечивает и поддерживает ее функционирование. Выражения «техника *включает* человека» и «человек *включается* в систему техники» означают только одно: человек низводится до уровня функции, отождествляется со своей функциональной ролью, осмысляет себя в качестве «звена в цепи» механических процессов. Всякое уклонение человека от своей роли функционера чревато производственными авариями и техногенными катастрофами: «Производственные аварии случаются тогда, когда человек в чем-то отклоняется от предписанной ему роли *homme machine* (человека-машины. — *И. Д.*), когда его действия не согласуются с каузальным механизмом, которым он управляет, когда он позволяет себе отделить себя от него» [10, с. 150–151].

Человек включается в процессы функционирования технических систем. Юнгер отмечает, что чем более эффективно человек «функционирует» в контексте технической организации, чем полнее он растворяется ней, тем меньше он *живет* как человек. Чем «совершеннее» техника, тем она функциональнее и тем меньше возможностей для аутентичного человеческого существования она оставляет. «Техника нас окружает, причем до такой степени плотно, что мы даже затрудняемся сказать, что не относится к ней и где ее нет» [11, с. 534–535].

Наиболее примечательная особенность Техника, субъекта, соразмерного существу современной техники, заключается в отсутствии у него чувства *благоговения перед жизнью*, в недоверии ко всему естественному и спонтанному. Земля для Техника не более чем «объект рационального и искусственного планирования, мертвый шар, подчиняющийся законам механического движения» [10, с. 169]. «Человек, который изучил эти законы и разбирается в них <...> может поставить землю себе на службу. Он безжалостно использует землю как орудие для осуществления своих властных устремлений, заставляет стихийные силы покорно трудиться в машинах, производя механическую работу» [Там же]. Из этого вытекает сущностная связь техники с *эксплуатацией*.

Техническая организация (совокупность технических устройств и коррелятивных им функциональных ролей) не является *замкнутой* самовоспроизводящейся системой. Техника

представляет собой принципиально *разомкнутую* систему, поскольку она вынуждена черпать ресурсы из природы: «Любая техническая работа требует субстрата, благодаря которому она осуществляется» [Там же. С. 168]. Логика технической рациональности требует вовлечения в техническую организацию всё новых и новых областей неорганизованного (спонтанного, естественным образом существующего) сущего. «Чем больше ресурсов она получает в свое разрушительное пользование, чем энергичнее она их сметает с лица земли, тем стремительнее делается ход технического прогресса» [Там же. С. 40].

Техника для своего функционирования требует субстрата (природы), и в то же время она неуклонно разрушает, подтачивает этот субстрат, осуществляя «опустошительное наступление на природу» [Там же]. Такая трактовка высвечивает *паразитную* природу техники.

Возрастающая эксплуатация природы и самого человека не является только побочным следствием технического прогресса, совершенствования (рационализации) технической организации. Имеется необходимая, сущностная взаимосвязь между машинной техникой и эксплуатацией природы. Эксплуатация есть отношение к природе, вытекающее из самого существа технической организации. Техника не может развиваться и совершенствоваться, не ужесточая эксплуатацию природы: «Технический прогресс борется со всем, что отказывается отдать ему свои резервы, которые он желает использовать себе на потребу, будь то человеческие или материальные ресурсы» [Там же. С. 140].

Юнгер не устает подчеркивать, что техника не столько удовлетворяет потребности, сколько производит и организует спрос. Техника в определенном смысле есть способ организации и воспроизводства самого человека *как потребителя*. Способ человеческого существования, коррелятивный современной машинной технике, предполагает не только рост производства, но также и рост потребления, возрастание потребностей, а следовательно, и нужды. «Всякое производство отвечает нуждам, потребностям, поэтому условием роста производства является растущее потребление. Производство и потребление образуют круг, в котором потребление всякий раз освобождает место для нового производства» [11, с. 542].

Человек технической эпохи выступает по преимуществу в роли потребителя, начинает определять и понимать себя *через свои «потребности»*. Однако растущие потребности и растущее потребление — это «признак не богатства, а бедности» [10, с. 38]. Вопреки расхожему мнению, техника не создает и не умножает богатство: «Характерным признаком технической организации является не преумножение богатства, а распространение бедности» [Там же. С. 554]. Термины «богатство» и «бедность» используются Юнгером не столько в политэкономическом, сколько в *экзистенциальном* смысле: «Богатство не есть нечто такое, что неведь откуда вдруг свалилось на человека и точно так же может вдруг улечься, богатство присуще ему как данность и, в общем, не зависит от его воли или усилий. Это богатство исконное, оно есть некий избыток свободы, искра которой заметна в отдельных людях» [Там же. С. 26].

Вопреки прочно укоренившемуся представлению, техника связана не только и не столько с *производством*, сколько с *потреблением*. Техника в своем изначальном смысле не есть средство *производства* материальных благ, она есть *механизм потребления и истребления природных ресурсов*, механизм хищнической эксплуатации природы, превращенной в кладовую полезных ископаемых. Однако «не только полезные ископаемые, но и сам человек принадлежит к числу природных ресурсов, которые становятся объектом технического потребления» [Там же. С. 42].

Для характеристики потребительской сущности техники Юнгер прибегает к метафоре вечного, неутолимого голода. Машины «исполнены беспокойной, прожорливой голодной силы, которую невозможно утолить» [Там же. С. 43]. «Но голодна и рациональная мысль, стоящая за машиной и следящая за моторным, механическим движением. Голод — ее постоянный спутник» [Там же. С. 38]. Техническое сознание ориентировано на возрастающее потребление и «проедание» того, что составляет основу человеческого существования.

Немалое внимание Юнгер уделяет вопросу о связи техники с таким важнейшим параметром человеческого существования, как *время*.

Наступление эры современной техники, как неоднократно отмечалось в исследовательской литературе [См., например: 12], было

связано с радикальным изменением способа переживания времени и соответственно с трансформацией *понятия времени*. Технические устройства и механизмы существуют (функционируют) в физическом времени, измеряемом часовым механизмом.

Вслед за Хайдеггером и целым рядом других философов Юнгер усматривает в механически понятом времени важнейшую предпосылку нововременной науки (экспериментального естествознания) и машинной техники. «Механическое понятие времени — это средство, благодаря которому только и стали возможны открытия и изобретения естественных наук, благодаря которому вообще стали возможны точные естественные науки» [10, с. 71]. Характерное для естествознания требование точности находится в неразрывной связи с «часовым», механическим понятием времени. Юнгер подчеркивает, что «без часов нет автоматов» [Там же]. Имеется неустранимая внутренняя связь между механическим пониманием времени, новоевропейской наукой (экспериментальным естествознанием) и современной (машинной) техникой. «Теоретика познания, ученого, Техника интересуется только измеряемое, точно повторяющееся время. На это время рассчитаны и в нем функционируют часовые механизмы и автоматы» [Там же. С. 75].

Машинная техника меняет наше понимание пространства и времени. Однако между современной техникой и пониманием пространства/времени не существует причинно-следственной связи, как если бы понятие времени изменялось *под влиянием* современной техники (или наоборот, возникновение машинной техники было простым следствием трансформации понятия времени). Здесь обнаруживается *смысловая корреляция*, а не причинно-следственная связь.

Механическое время (время новоевропейской науки и современной машинной техники) Юнгер называет «мертвым» временем и противопоставляет его «живому» (жизненному, экзистенциальному) времени. Он отмечает, что у человека, склонного задумываться, часы и механическое (физическое) время, показываемое и измеряемое часами, часто вызывают мысли о смерти. Это не случайно. В механическом времени и механическом движении человек подсудно ощущает угрозу собственному способу существования: «Движущийся механизм создает

иллюзию живого, и разоблаченный обман вселяет в человека тревожное чувство. Здесь мертвое вторглось в пространство живого и заняло его место. Поэтому наблюдателя охватывает чувство, связанное с представлениями о старении, холоде, смерти, с представлением о мертвом механически повторяющемся времени, отмеряемом часовым механизмом» [10, с. 56].

Механическое время техники является пустым и однородным, в нем «секунда следует за секундой в однообразном повторении» [Там же. С. 72]. Механическое время воспринимается как *пустая длительность*, нечто такое, что нужно «заполнить» событиями, развлечениями или работой. Живое время, напротив, *качественно и неоднородно*, в нем «ни одна секунда не похожа на другую» [Там же], оно не просто наполнено событиями, оно и есть событие (событие жизни, жизнь как событие).

Существенное значение для понимания концепции Юнгера имеет вопрос о соотношении между двумя понятиями и способами понимания времени. С одной стороны, в работе «Совершенство техники» утверждается, что мертвое машинное время «равнодушно *проходит рядом* с человеческим жизненным временем, *не принимая участия* в его подъемах и спадах» (курсив наш. — И. Д.) [Там же]. С другой стороны, Юнгер говорит об опасности вторжения механического времени в жизненное время человека. Мертвое время механических процессов «переходит в наступление» на жизненное время человека. Конечное жизненное время в условиях возрастающего господства техники всё более подвергается механическому регулированию, всё более редуцируется к мертвому механическому времени. Граница между *бесконечным* механическим и *конечным* экзистенциальным временем в сознании человека технической эпохи становится всё менее различимой: «Если человек начинает регулировать время при помощи часов, то и часы тоже регулируют его время» [Там же. С. 84].

Между этими двумя трактовками нет противоречия. Соотношение мертвого механического времени и времени жизни (экзистенциального времени) есть один из аспектов более общей проблемы соотношения «техники» и «природы» как двух способов бытия. Под «природой» здесь следует понимать не новоевропейскую «натуру», но греческий «фюсис» [13].

С одной стороны, оппозиция «технического» (механического, механически организованного) и «природного» является онтологически первичной и неснимаемой. С другой стороны, техника в силу своей эксплуататорской и «паразитарной» сущности всё более *заслоняет* от человека возможность *более искомого* (нетехнического, дотехнического) способа существования и соответственно понимания времени. Подобно тому, как природа («фюсис») превращается в ресурс технически организованной деятельности, жизненное время человеческого существования также начинает рассматриваться в качестве объекта использования и эксплуатации (отсюда такие выражения, как «использовать время», «воспользоваться временем», «распорядиться временем»). Конечное жизненное время человека «потребляется» и *истребляется* техникой наряду с другими «ресурсами».

Как уже отмечалось, техника в понимании Юнгера сущностно связана с нехваткой, дефицитом, она есть *способ распределения дефицита*. Человеческая техника превращает природное изобилие «сначала в ресурсы, а затем в дефицит» [11, с. 540]. Вот почему человек мог столкнуться с проблемой *нехватки времени* лишь после того, как само время стало механически измеримым. Время, которое можно считать и измерять, всегда в дефиците, его всегда не хватает. Аналогичным образом природа, ставшая «кладовой ресурсов», открывает Технику в модусе нехватки и дефицита, откуда проистекает потребность в рациональной организации и рациональном использовании ресурсов, в том числе и *ресурса времени* (временного ресурса). Временем, осмысленным как универсальный ресурс человеческой деятельности, в техническую эпоху начинают «управлять» и «распоряжаться».

Человек технической эпохи мечтает о свободном, «лишнем» времени, как голодный мечтает о корочке хлеба [10, с. 76]. Однако «время есть у меня тогда, когда я не воспринимаю его качественно как пустое, когда оно не мучает меня своей мертвенностью» [Там же]. Из этого следует принципиальный и на первый взгляд парадоксально звучащий тезис: человек технической эпохи вообще не может обладать досугом («свободным» временем), ему всегда «некогда», всегда «недосуг». В контексте технической организации свободное от работы

(технического функционирования) время начинает восприниматься как *время отдыха*, необходимое для «восстановления сил»: «Технический рабочий процесс не допускает досуга, уделяя изнуренному работнику лишь ту скудную меру отпуска и свободного времени, которая обязательно требуется для восстановления работоспособности» [10, с. 76]. Человеку «дают отдохнуть» аналогично тому, как «дают остыть» электроприбору. Эффективное функционирование механического устройства предполагает «соблюдение режима» и следование «правилам эксплуатации».

Овладевая механикой, научаясь считать механическое время и «эффективно» им распоряжаться, человек и собственное бытие начинает осмысливать в терминах механики и технического функционирования. Чтобы «овладеть автоматом», человеку самому нужно уподобиться автомату: «Человек, овладевший механикой, в то же время превращается в ее слугу и вынужден подчиняться ее законам. Автомат принуждает человека к автоматической деятельности» [Там же. С. 77]. В такой трактовке соотношения техники и человека Юнгер предвосхищает некоторые значимые идеи европейской философии техники 1950–1960-х гг. («технический пессимизм», проявляющийся в «страхе перед полностью автономной техникой, которая пытается не просто подчинить себе, но и устранить человека в том виде, в каком мы его знаем» [8, с. 81]).

Существование человека в контексте технической организации имеет структуру «беличьего колеса». Чем быстрее мы бежим, тем быстрее оно вращается и, следовательно, тем сложнее из него вырваться (вплоть до того, что даже сама мысль о необходимости освобождения уже не возникает). «Каждая остановка механического движения вызывает у технически организованного человека ощущение невыносимой пустоты. Чувствуя себя не в силах жить с этим ощущением, человек стремится избавиться от него при помощи усиленного движения» [10, с. 212]. Механическое движение одновременно и пугает человека, вселяет в него тревогу, и обладает за-

вораживающей привлекательностью. Быстрое движение, рекордные скорости оказывают на человека наркотическое действие. «У человека вырабатывается потребность в таком движении как в постоянном стимуляторе, дающем ощущение бодрости» [Там же. С. 213]. Из этого же источника проистекает и ненасытная потребность в новостях и разного рода «новинках». Ускорение движения дает обманчивое ощущение наполненности, насыщенности жизни.

Подведем итог. Концепции Хайдеггера и Юнгера следует отнести к философскому направлению, которое можно назвать «экзистенциальной философией техники». На первый план здесь выходят вопросы: чем является техника в контексте человеческого бытия и как меняются сущностные параметры человека в эпоху современной техники? Однако в концепциях Хайдеггера и Юнгера представлены различные уровни анализа техники и технического сознания. Хайдеггер намечает общие контуры *фундаментальной онтологии техники*. Техника рассматривается им в качестве особого бытийного измерения, в котором всё сущее приводится к открытости («непотопности»), тем самым становясь достигаемым для познавательной и практической деятельности человека. Юнгер же разрабатывает не столько *философию* техники, сколько социальную (социально-философскую) *антропологию*. Основное внимание он уделяет вопросам о трансформации самопонимания человека в техническую эпоху, социальных последствиях технического прогресса, влиянии техники на социальную структуру общества и формы государства, взаимосвязи техники и идеологии.

К общим чертам обеих концепций следует отнести:

- критику инструменталистской трактовки техники, признание ее недостаточности;
- рассмотрение техники в качестве способа существования человека;
- фатализм в понимании техники («техника есть судьба»);
- осознание техники в качестве опасности, угрожающей самому существованию человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Нестеров А.Ю.** Вопрос о сущности техники в рамках семиотического подхода // Вестн. Самарского гос. аэрокосм. ун-та им. акад. С.П. Королёва (нац. исслед. ун-та). 2015. Т. 14, № 1. С. 235–246.
2. **Дёмин И.В.** Экзистенциально-онтологическое обоснование техники в философии М. Хайдеггера // Вестн. Самарской гуманитарной акад. Философия. Филология. 2010. № 2. С. 126–137.
3. **Дёмин И.В.** Критика инструменталистской трактовки техники в философии М. Хайдеггера // Человек в техносреде: конвергентные технологии, глобальные сети, Интернет вещей: сб. науч. ст. Вologda, 2014. С. 42–46.
4. **Хайдеггер М.** Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993.
5. **Дёмин И.В.** Соотношение подручного и личного в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера // Вестн. Самарского гос. ун-та. 2012. № 2.1 (93). С. 5–11.
6. **Дёмин И.В.** Философия истории в постметафизическом контексте. Самара: Изд-во Самарской гуманитарной акад., 2015. 251 с.
7. **Абдуллин А.Р.** Об одном аспекте философии техники Мартина Хайдеггера // Современ. проблемы естествознания на стыках наук: сб. ст. В 2 т. Т. 1. Уфа: Изд-во УНЦ РАН, 1998. С. 343–349.
8. **Михайловский А.В.** Свобода техники? К пониманию техники у Эрнста и Фридриха Георга Юнгера // Филос. науки. 2013. № 7. С. 79–95.
9. **Павленко А.Н.** Мартин Хайдеггер: сущность современной техники // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Философия. 2003. № 1. С. 67–75.
10. **Юнгер Ф.Г.** Совершенство техники. Машина и собственность / пер. с нем. И.П. Стребловой. СПб.: Владимир Даль, 2002. 560 с.
11. **Фёдоров С.А.** Есть ли пределы «совершенству техники»? // Юнгер Ф.Г. Совершенство техники. Машина и собственность. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 524–553.
12. **Гайденоко П.П.** Время. Длительность. Вечность. Проблема времени европейской философии науки. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 464 с.
13. **Ахутин А.В.** Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). М.: Наука, 1989. 208 с.

ДЁМИН Илья Вячеславович – Самарский государственный аэрокосмический университет им. акад. С.П. Королёва (национальный исследовательский университет); ilyadem83@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 13.11.2016 г., принята к публикации 28.02.2017 г.

REFERENCES

- [1] A.Yu. Nesterov, [The essence of technical consciousness within the frame of the semiotic approach], Bulletin of the Samara State Aerospace Univ. 14 (1) (2015) 235–246.
- [2] I.V. Demin, [Existential-ontological study of technical in the Martin Heidegger' philosophy], Bulletin of the Samara Humanitarian Academy, Philosophy. Philology, 2 (2010) 126–137.
- [3] I.V. Demin, [The criticism of the instrumentalist interpretation of technical in the Heidegger' philosophy], in: Chelovek v tehnosrede: konvergentnye tekhnologii, global'nye seti, Internet veshchey [Man in tehnosrede: converging technologies, the global network, the Internet of Things], Vologda, 2014, pp. 42–46.
- [4] M. Heidegger, Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya [Time and Being: Articles and Speeches], Republic, Moscow, 1993.
- [5] I.V. Demin, [The problem of relationship between the assistant and the real in the fundamental ontology of M. Heidegger], Bulletin of the Samara State Univ. 2.1 (2012) 5–11.
- [6] I.V. Demin, Filosofiya istorii v postmetafizicheskom kontekste [The philosophy of history in post-metaphysical context], SGA. Publ., Samara, 2015.
- [7] A.R. Abdullin, [An aspect of the Martin Heidegger' philosophy of technical], in: Sovremennye problemy estestvoznaniya na stykakh nauk [Modern problems of Natural Sciences at the joints], in 2 vol. of vol. 1, UNC RAN Publ., Ufa, 1998, pp. 343–349.
- [8] A.V. Mihaylovskiy, [Freedom of Technology? On the Ernst and Friedrich Georg Jünger's Understanding of Technology], Philosophical sciences, 7 (2013) 79–95.
- [9] A.N. Pavlenko, [Martin Heidegger: the essence of modern technology], Bulletin of Russian Peoples Friendship Univ. Philosophy, 1 (2003) 67–75.
- [10] F.G. Yunger, Sovershenstvo tekhniki. Mashina i sobstvennost' [The perfection of technique. The machinery and property], Vladimir Dal' Publ., St. Petersburg, 2002.

[11] S.A. Fedorov, [Are there limits of “engineering excellence”?], in: F.G. Yunger, *Sovershenstvo tekhniki. Mashina i sobstvennost'* [The perfection of technique. The machinery and property], Vladimir Dal' Publ., St. Petersburg, 2002, pp. 524–553.

[12] P.P. Gaydenko, *Vremya. Dlitel'nost'. Vechnost'. Problema vremeni evropeyskoy filosofii nauki* [Time. Du-

ration. Eternity. The problem of time European science philosophy], Progress-Tradiciya, Moscow, 2006.

[13] A.V. Akhutin, *Ponyatie «priroda» v antichnosti i v Novoe vremya («fyusis» i «natura»)* [The concept of “nature” in antiquity and in modern times (“physis” and “nature”)], Nauka, Moscow, 1989.

DEMIN И'ya V. – Samara State Aerospace University named after S.P. Korolev; ilyadem83@yandex.ru

Received 13.11.2016, accepted 28.02.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017